

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам
Институт философии
Государственный музей Л.Н. Толстого

*Государственный музей
Л.Н.Толстого*

Лев Толстой: литература и философия

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2020

УДК 1.14

ББК 87

Л

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осинская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденок, В.Д. Губин,
Б.Л. Губман, А.Л. Доброхотов, Д.В. Ефременко, Г.И. Зверева, А.Н. Кожановский,
И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина,
Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Составители и ответственные редакторы

Н.А. Касавина, Ю.В. Прокопчук

Рецензенты:

Ю.В. Синеокая, доктор философских наук, профессор РАН,
заместитель директора Института философии РАН по научной работе,
заведующая сектором истории западной философии
В.А. Литвиновская, кандидат филологических наук, заведующая отделом
изобразительных фондов Государственного музея Л.Н. Толстого

Серийное оформление: П.П. Ефремов

Л **Лев Толстой: литература и философия** / сост., отв. ред. Н.А. Касавина,
Ю.В. Прокопчук. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. —
400 с.: ил. (Серия «Humanitas»).

Книга посвящена исследованию феномена Толстого-мыслителя и его связей с мировой философской традицией, становления религиозно-философских воззрений Толстого, взглядов писателя в русле отечественной философской мысли. Издание инициировано теоретическим семинаром «Философия в литературе. Литература в философии» в Государственном музее Л.Н. Толстого (2013–2018), где авторы обсуждают широкий круг проблем — метафизика Л. Толстого, спор о морали, социально-политические аспекты его творчества. Актуальность книги определяется вкладом в толстоведение, философию литературы, в демонстрацию современного значения идей Л. Толстого. Междисциплинарный подход к наследию великого классика, объединяющий философов, историков, литературоведов, филологов, культурологов, чрезвычайно плодотворен как для понимания эволюции его мировоззрения, места и роли в мировой культуре, так и для развития русской философии и ее связей с зарубежной философской мыслью.

Для всех интересующихся философской мыслью в ее культурном и историческом контексте.

В оформлении обложки использован
портрет Л. Толстого, выполненный Н.Н. Ге

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas»,
составитель серии, 2020

© Касавина Н.А., Прокопчук Ю.В., сост.
и отв. ред., 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Центр гуманитарных инициатив, 2020

Предисловие

Вот уже много лет двери Толстовского музея гостеприимно распахнуты для участников философского семинара. Как мы убедились, Толстой-философ, мыслитель, проповедник до сих пор будоражит умы людей. Поиски истины, справедливости, самоосуждение и самосовершенствование, бескомпромиссность в отстаивании нравственных ценностей... — все это ставит Толстого в один ряд с величайшими мыслителями человечества.

Толстой — необычайно широкая личность. Его внимание привлекали мыслители древности, Средневековья, Нового времени. Тема «Толстой и мировая религиозно-философская мысль» поистине неисчерпаема; и очень важно, что многие доклады на философском семинаре были посвящены именно этому направлению научных исследований.

Толстой не имел философского образования, он не был академическим философом. Нередко чисто научный подход к проблемам жизни вызывал активное неприятие Льва Николаевича. Но жажда правды в его религиозно-философских поисках была необычайно велика, Толстой был человеком, который мог заставить буквально весь мир прислушаться к его слову.

Думается, что изучение наследия Толстого немислимо без привлечения крупных специалистов по истории отечественной и мировой философской мысли, поэтому радостно осознавать, что уже не первый год наш семинар проводится совместно с Институтом философии РАН. Хочется поблагодарить его директора, академика А.В. Смирнова, академика А.А. Гусейнова, всех, кто выступил

С.М. Климова

**Жизнь Л.Н. Толстого в биографиях:
серия «Жизнь замечательных людей»¹**

В дневниковой записи Л.Н. Толстого от 23 октября 1910 года есть такие строки: «*Я потерял память всего, почти всего происшедшего*». ... *Как не радоваться потере?*». До окончательного земного ухода оставалось совсем немного, а он уже стал легендой, символом, пророком, «гением и злодеем» целой эпохи. О нем писали так много, что собралась прижизненная библиотека панегириков и хулы². Он давно не имел своей, автономной от читателей-критиков биографии. Разговору о такой «общественной», «не своей», отражающей пристрастия времени и «публичное» мнение массового читателя биографии и посвящена эта часть работы.

Если уточнить задачу, то исследовательский интерес сосредоточен на четырех биографиях Л.Н. Толстого в издательской серии *Жизнь замечательных людей* (ЖЗЛ). Первая, прижизненная, появилась в 1894 году, самая современная – в 2017 году. Мы оставляем в стороне огромное количество мемуарных и биографических исследований, дневниковых и автобиографических записей, существующих помимо этой серии. В ней же нам интересен не столько литературоведческий анализ, соответствие биографии фактам жизни, строгость аргументации, сколько создаваемый биографами «массовый» образ Толстого как воплощение общественного мнения, представленного через конкретного героя и преломленного в контексте конкретного времени.

Каждый пишущий биографию великого человека мечтает оставаться на почве факта и быть объективным. Но как это сделать — пожалуй, самый главный и сакраментальный вопрос исследований подобного рода. Биограф, как правило, очищает своего героя от разного рода языковых, мифологических и прочих клише и оценок, от ненужных унижений и похвал. Он стремится увидеть биографию в целостности жизненного и творческого начал, объективно.

Но зачастую побеждает идеологически заряженное *время* — исторический (он же политический) запрос на героический образ. Важную роль играет и идейная интенция издательств, которые определяют и понимание сущности биографии, и ее место в формировании общественного мнения. И тогда сама биография рискует стать конгломератом идеологических посылок о герое, отражая потребности масс в особых людях и уникальных временах.

Серия «Жизнь замечательных людей» в исторической ретроспективе

В 1890 году Флорентий Федорович Павленков — просветитель-демократ — решил организовать новую серию издания дешевых книг, руководствуясь гуманистической идеей привлечения самых широких слоев общества к просвещению и воспитанию. Образцы биографий «замечательных людей» — политиков, писателей, ученых, религиозных реформаторов³ — должны были определить ценностное начало серии. Главным критерием отбора стал исторический и прогрессистский уклон деятельности героя, избранного для серии⁴. Павленкову был важен человек, изменяющий время, а был ли он реакционером или революционером по своим частным убеждениям — вторично с точки зрения издательской политики. Поэтому в ЖЗЛ с самого начала мирно уживались биографии Лойолы и Аристотеля, Томаса Мора и Кромвеля, Л. Н. Толстого и М. Н. Каткова, В. Г. Белинского и Ф. В. Булгарина.

Целевой аудиторией стала рабочая и разночинная молодежь. Серия пользовалась популярностью как среди малограмотных, так и среди хорошо образованных людей. Необходим был максимально доступный и одновременно профессиональный принцип изложения материала. При этом превалировали идейные установки издания: о сути биографии, задачах серии, отборе авторов и героев. Павленков стремился к созданию «биографических очерков» в своей серии, стараясь максимально отдалить авторскую позицию биографа от жизни его героя.

Серия была, безусловно, народнической, отражая идеи и пристрастия просветителей, близких к направлению Н. К. Михайловского. Ее

авторы были в основном разночинного замеса; для них чрезвычайно важно было создавать биографии для масс, вслед за Н. К. Михайловским, — вдохновлять толпу героями⁵. Первая биография Толстого, написанная Е. А. Соловьевым в 1894 году, очень наглядно подтверждает эти установки.

Издание серии продолжалось и после смерти Павленкова в 1900 году; книги в ЖЗЛ регулярно выходили вплоть до 1915 года. Прерванная известными историческими событиями серия была возобновлена в 1933 году А. М. Горьким, который в советское время был даже провозглашен ее основателем⁶.

Интерес пролетарского писателя к серии не был случаен. Еще до революции он увлекался павленковским изданием и увидел в нем важную идейную нацеленность на просвещение детей и молодежи через подражание и воспитательный компонент, заложенный в известных биографиях замечательных людей. В 1916 году Горький задумал свою серию в издательстве «Парус», в создание которой мечтал вовлечь не только русских, но и западных прогрессивных писателей⁷. Он верил, что знакомство с биографиями поможет «напомнить детям, что люди не всегда были так слабы и дурны, что у всех народов были и есть сейчас великие люди, благородные сердца» [Горький, 1955, с. 375].

Горьковская серия ЖЗЛ 1933 года носила явно выраженный воспитательный и идеологический характер; целевая аудитория — младшие школьники и юношество. Вполне закономерно, что в 1936 году незадолго до смерти он просил ген. секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева взять под опеку серию («Молодая гвардия» была издательством ЦК ВЛКСМ). «Можно сказать, что Горький следовал в русле русской педагогической мысли, которая искала путей к направленному воспитанию нового поколения на жизнях и образах великих. Но он связывал с биографией, массой биографий — еще более дерзкие надежды, на духовное и социальное преобразование России, ибо надеялся с ее помощью способствовать формированию “новорожденных людей”» [Померанцева, 1987, с. 81].

Между биографическими проектами Павленкова и Горького, с одной стороны, наблюдалась преемственность, характерная для научно-популярной серии, направленной на просвещение/воспитание народа через образцы для подражания. С другой стороны, произошла смена биографической парадигмы. Вместо биографических очерков стали создаваться научно-популярные биографии поучительно-назидательного характера. В расчет новой ЖЗЛ входила сознательная ориентация на тривиализацию жанра биографии, причем как исторической, так и литературной [Тун-Хоенштайн, 2013,

с. 442–443]. Возникло то, что позже будет названо «щадящая» или идеализированная шаблонная биография.

Горький настаивал на том, чтобы в биографиях везде, где можно, *сближать прошлое с настоящим*, делать любую историю актуальной. В такой установке есть как минимум два прочтения. Первое — утопическая (идеологическая), когда вся история человечества превращается в предысторию «грядущего» социалистического строительства, и все герои серии — невольные «борцы» за это светлое будущее. Второе — сознательный процесс авторского *мифотворчества*: герой биографии становится либо массовым «продуктом» для поклонения и подражания, либо объектом «конструктивной критики» и идейного разоблачения. Все это делалось ради беллетризованной популяризации и лучшей продаваемости книги.

Интенции горьковской ЖЗЛ разнятся во времени. В 30-е годы биографии были ориентированы на *эпоху* (главными персонажами были герои революции), в начале 50-х — на *дело*, которым занимался герой (главными персонажами стали деятели науки), а в начале 60-х — на *индивидуальность*, на неповторимость самой личности во всем многообразии ее жизненных и творческих обстоятельств. Эти годы, особенно оттепель, стали и всплеском, и концом гуманистической веры в социализм. Об ослаблении цензуры говорит факт публикации в 1962 г. «Одного дня Ивана Денисовича» А. И. Солженицына; стали появляться печатные труды Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева с их явно нетрадиционно-марксистскими тенденциями в размышлениях о личности и ее месте в мире. «Будет дан голос и пропагандистам индивидуализма, и оппонентам его. Во главу угла окажутся поставлены вопросы совести и долга, смысла жизни, потому что социальная отзывчивость, как и взгляд внутрь себя одинаково свойственны этим людям» [Померанцева, 1987, с. 202].

В 50-е годы XX века издательство «Молодая гвардия» сформулировало три принципа создания биографии в ЖЗЛ: *научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность*. Именно их декларация привела к бурной дискуссии о сути и характере биографии в целом и в ЖЗЛ в частности. На место шаблонной идеологизированной пришла *критическая биография*, с элементами философского обобщения образа героя в контексте времени. Именно в это переходное время В. Б. Шкловский, который не был никогда ни явным марксистом, ни явным экзистенциалистом, пишет вторую биографию Толстого, воспроизводя некоторые приемы формальной школы. Его формулировка задач серии схожа с общепринятой: «...она (серия ЖЗЛ.— С. К.) должна распространять среди читателей славу героев, действительно существовавших,

и тем воспитывать людей, прививать им стремление к подвигу» [Шкловский, 1959, с. 220].

Но в 1959 году уже стало возможным произвести дифференциацию биографий, увидев жизнь замечательного человека в призме конкретно-исторического, а не только идеологического, времени. Шкловский требует, чтобы биография перестала быть «панегириком» и писалась с учетом всех исторических коллизий. Отсюда вытекало его определение «замечательной личности»: «Великий человек предстает в биографии в своей истинной, высокой, прогрессивной и оптимистической противоречивости» [Шкловский, 1959, с. 221].

В 1990-е — начале 2000-х, когда в одночасье распалась целая эпоха и страна оказалась не только в политическом, но и в жестком ценностно-антропологическом кризисе, имя Толстого вновь оказалось востребованным в серии ЖЗЛ. В 2006 году вышла его третья биография, написанная двумя учеными-литературоведами, — А. М. Зверевым и В. А. Тунимановым. Судьба авторов оказалась трагичной — оба не дожили до выхода книги из печати. В разговоре о Толстом так и не было поставлено окончательной точки.

Последняя — четвертая биография — вышла в 2017 году в малой серии ЖЗЛ. Ее автор — известный современный писатель П. В. Басинский, издавший своеобразную трилогию о Толстом⁸, которая принесла ему славу «толстоведа-исследователя». Можно предположить, что биография Толстого вновь оказалась востребованной в период очередного политического коллапса и духовного кризиса общества. Вновь герой-Толстой был «призван» решить задачу внутренней консолидации общества, стать важным восстановительным звеном распавшейся связи времен.

Если Шкловский представил нам биографию Толстого как роман, то Басинский, в «духе» своего именитого предшественника, самого Толстого сделал произведением, сотканным из фрагментов творчества, биографических фактов и бытовых анекдотов. Данный биограф Толстого является идеальным ретранслятором представлений о замечательной личности с точки зрения современных общественных вкусов и общественного мнения. «Толстой» Басинского — романский персонаж, «написавший книгу» своей жизни как авантюрное (детективное, эротическое) приключение одного «пустяшного малого»⁹.

Издаваемая в ЖЗЛ в XXI веке биография Толстого оказалась также тесно завязанной на целевые, идеологические и коммерческие установки времени, как и биографии века XX. Процесс идеализации личности в форме ее мифологизации продолжился и здесь. Не только герой биографии, но и ее автор чрезвычайно востребованы временем. Именно время сделало Басинского и ученым, и экспертом, и судь-

ей в области толстоведения. Его имя давно стало залогом высоких продаж занимательных историй, будь то А. М. Горький, Л. Н. Толстой или Джон Половинкин.

Данные отступления важно учитывать при размышлении о четырех толстовских биографиях в ЖЗЛ.

Первая биография Толстого: Евгений Андреевич Соловьев (1863–1905)

Первая биография была написана известным в свое время литературным критиком Е. А. Соловьевым¹⁰. В литературе он отстаивал позицию сословного (классового) подхода с явным марксистским уклоном; рассматривал литературу сквозь призму освободительных идей «личности и личностного начала» [Соловьев, 1905, с. 5]. При этом демонстрировал эклектичность позиции: склонность к народничеству с ее борьбой за целостную личность (Михайловский) сочеталась с ее социальной критикой. Попытка «пролетаризировать» русскую литературу совмещалась с элементами ее обоготворения. Он был марксистом по убеждениям, но «основой его трудов все же оставалась культурно-историческая школа с народнической окраской. У марксистов он заимствовал новомодный понятийный аппарат... Начал изучение истории литературы сквозь призму освободительных идей (впоследствии развитое Лениным в концепцию трех этапов освободительного движения в России)... Он стоял у истоков богостроительства» [Михайлова, 2007, с. 747].

В духе своей сословной теории Соловьев объясняет значимость русской литературы, в том числе и толстовской «Войны и мира» трудовым вкладом народа, указав на то, что крепостническая система и рабский труд способствовали тому, что «русская литература за какие-нибудь полстолетия стала классической» [Соловьев, 1905, с. 35].

При этом он всегда был верен идее социальной обусловленности искусства, ее классовой основы, рассматривая литературу и художественное творчество как диалектику общественного развития, борьбу «партикулярной фуражки с кокардой». Для понимания его подхода к созданию толстовской биографии необходимо учитывать тезис самого Соловьева о том, что русская литература есть «порождение массового общественного сознания». По крайней мере, его биография оказалась близка именно такому пониманию.

Соловьевская литературоведческая позиция и стала определяющей в первой прижизненной биографии Л. Н. Толстого в ЖЗЛ¹¹ (автор на-

печатал ее под псевдонимом Смирнов). Следует напомнить о личном фрагментарном знакомстве Соловьева с Толстым¹². В библиотеке Толстого есть ЖЗЛовская биография Соловьева Е. А.¹³

Первое, что следует отметить, — это факт прижизненной биографии. С одной стороны, это означало суженную исследовательскую базу в сравнении со всеми остальными биографами ЖЗЛ, имевшими в своем распоряжении 90 томов сочинений Л. Н. Толстого, воспоминания современников, многочисленные дневники и записные книжки, корреспонденцию и т. д., и, конечно, уже переосмысленные новой эпохой, теоретические подходы и позиции. В то же время Соловьев описал еще не выкристаллизованный и не полностью идеологически обработанный образ героя *своего времени*. Его «замечательный Толстой» — плоть от плоти идеалов и идиологов начала XX века, продукт вкуса и оценок общества, концентрированное выражение сути общественного сознания, расколотого, противоречивого и тяготеющего к героизации личности.

Источниками исследования Соловьева стали «Исповедь» и крупные художественные произведения. В фактической биографии он повторил факты литературной, строго следуя за логикой художественного. Детство, университет, Кавказ, Севастополь и т. д. — не только точки на его биографической «карте»; это почти дословный пересказ соответствующих произведений, снабженный общеизвестными датами и комментариями из реальной толстовской жизни. «Биографию Толстого можно смело написать по его собственным произведениям, и она выйдет полной, особенно во всем, что касается душевной жизни великого писателя» [Соловьев, 1905, с. 154].

Во многом повторяя методологию биографического метода Ш. Сент-Бева со всеми его недостатками, Соловьев, по сути, соединил биографического автора и автора-творца, осуществляя вульгарную прямолинейность в перенесении биографических сюжетов при объяснении художественных. «В большинстве произведений Толстого героем является он сам, его душевное настроение, несомненно им пережитое и пережитое. На эти произведения мы можем смело положиться, как на автобиографические документы из области духовной жизни писателя» [Соловьев, 1905, с. 13].

При этом Соловьев уловил как *особенность толстовской стилистики*, позволившей сделать его символом совести и веры для общества *принцип искренности*, превративший каждое слово Толстого в почти религиозное исповедальное откровение. Биограф заметил, что толстовская сила в том, что он пишет и говорит из *собственного убеждения*. Искренность сделала его *открытым* для всех. Безусловно, он верно схватил эту интенцию, отмечая не только влияние на

Толстого Руссо с его культом естественности, но и страстность самой искренности писателя, уловив в этом особенность своего антагонистического времени.

«Исповедь» предстала как самое искреннее произведение переходного времени, «духовная автобиография» и важнейший источник для биографического отождествления обстоятельств жизни Толстого — автора «Исповеди» — с Толстым, ее героем¹⁴.

Этот подход стал для Соловьева психологической основой снятия покровов с интимной сферы — не только личной жизни Толстого, но и мира его внутренних субъективных переживаний. В то же время Соловьев декларирует такую особенность литературного гения, как *детский взгляд* на вещи. Гений видит не так, как мы, задает не те вопросы, то есть действует отстраненно от описываемых событий. Почти что остраненно...

Мы не утверждаем, что Соловьев предшествовал формалистам, но подобный подход, видимо, витал в воздухе, как и сравнение «Войны и мира» с гомеровской «Илиадой» [Соловьев, 1905, с. 94], которую Шкловский позже также обыграл в своей толстовской биографии.

Соловьев транслирует в биографии идею толстовских противоречий, почти дословно повторяя некоторые пассажи из знаменитой статьи Михайловского¹⁵. Соловьев, как социальный сейсмограф, отразил интенции общественного мнения разночинного читателя, увидевших в Толстом символ трагического разрыва и классовых противоречий в обществе. Несмотря на свой авторитет и духовную мощь, даже Толстой не в силах был примирить аристократическую интеллигенцию и трудовой народ. Это оказалось не в его власти, так же как и преодоление своего собственного происхождения («дрожжи старого барства», по выражению Соловьева, никуда нельзя деть).

В духе предреволюционных настроений биограф указывает на ограниченность Толстого-аристократа, которую невозможно «ликвидировать изнутри», только одним волевым усилием и самокритикой. При этом сам он, схематично опираясь на свою собственную теорию трех этапов литературы¹⁶, показывает историческую и трагическую ограниченность религиозно-крестьянского подхода писателя, историческую безысходность классового антагонизма в теории бедности и богатства.

Разночинная закваска сказывается и на итоговых оценках писателя. С его точки зрения, Толстой — аристократ и одновременно — великий оппозиционер и гений. Трагедия в том, что это не спасет его от исторической гибели. «Толстые» с необходимостью будут сменены грядущей пролетарской литературой и идеологией. «Крестьянским трудом вспоен и вскормлен великий художественный талант зем-

ли русской, слава и гордость нашей литературы и нашего народа. Говорю все это я без малейшей тени упрека кому и чему бы то ни было\... Благодаря даровому крепостному труду, русская литература за каких-нибудь полстолетия стала классической, и ничего подобного ее быстрым успехам в период между созданием “Руслана и Людмилы” и “Анной Карениной” мы не видим даже на Западе» [Соловьев, 1905, с. 35–36]. Соловьевская позиция была настолько субъективна и вульгарно-материалистична, что даже Михайловский вынужден был показать его произвольное использование фактов, обозвав его недобросовестным «моменталистом-трансформистом» [Михайловский, 1899, с. 196]. Таким идеологическим «плодом» предстала перед нами первая биография Л. Н. Толстого.

Советская биография Толстого: Виктор Борисович Шкловский (1893–1984)

Понадобилось более полвека, включившего в себя две мировые войны, две революции, смену курсов партии, тоталитаризм и оттепель, чтобы вновь возникла потребность в написании биографии Толстого в серии ЖЗЛ. Идеализированная биография и советская поучительная литература «от КПСС» перестали быть востребованы самой идеологической системой. Потребовался новый тип биографии для популяризации новых идей (а может быть, и старых, но упакованных в новые обертки). Наиболее успешным стал тип *научно-художественной биографии*, рождаемый на стыке факта и стилистики (манеры) описания. Здесь явно шло усиление личностного начала, как с точки зрения роли автора, так и с точки зрения образа героя.

В 1959 году — за несколько лет до выхода биографии Толстого в ЖЗЛ — В. Б. Шкловский в журнале «Знамя» написал заметку о серии, указав на необходимость нового подхода к биографии и нового понимания сути замечательного человека. «Мы должны создавать биографию, исследуя события, а не беллетризуя их» [Шкловский, 1959, с. 221]. Отсюда — прямой выход на очень схожие с формальным методом требования «отбора фактов» и «способа анализа» [там же, с. 221]. По сути, Шкловский в разговоре о биографии вводит нас в свою собственную творческую лабораторию¹⁷. Ее особенность — в очевидном противоречии между следованием за научными фактами и художественной стилистикой их описания.

Говоря о Толстом, он говорит не столько о нем, сколько «через него» о себе, своих переживаниях и одновременно о судьбе своего

поколения. Здесь возникает подход литературоведческого перформанса — «перевоплощения» автора в героя.

Отбор фактов и способ их анализа становятся определяющими в описании героя биографии. *Способ анализа* Шкловский отнес к *стилю изложения* биографии. В качестве методологии исследования биографии он декларировал метод соцреализма, под которым, однако, понимал не отражение, не типизацию образа, даже не мышление в образах, но *совмещение плана жизни героя и исторической картины мира*. Также, размышляя о роли личности в истории, он демонстрирует собственное, субъективно-переживаемое понимание биографии как исключительно творческого начала личности. Оно же определяет и направление истории.

Данная биография, несмотря на все старания автора преодолеть вкусы толпы, сиюминутное, «беллетристическое», в каком-то смысле провоцирует/формирует это самое мнение толпы. Биография для формалистов — это текст, стилизованная биография, то, что Б. В. Томашевский называл «биографической легендой», предпосылаемой автором своему произведению [Томашевский, 1923, с. 28].

Еще в 1928 году Шкловский показал «технику работы» автора со своими героями. Наделив героя биографией, дав ему собственное слово, автор фактически от него отстраняется и не всегда способен им управлять. «Герой делается из материала, он составляется из него как библиотека из книг...» [Шкловский, 1928, с. 104]. Насколько бы материал ни был задан заранее, он не имеет объективной ценности вне авторского творения. Герой «создается», конструируется. В такой позиции практически ничего нет ни от марксизма, ни от теории мимесиса искусства.

Биография Толстого, изданная Шкловским в 1963 году, демонстрирует невольную приверженность автора данной установке. Дело в сознательном или невольном смещении автора и героя, «биографии и автобиографии» [Томэ, Шмид, Кауфманн, 2017, с. 89], представлении биографии как романа. По автопризнанию Шкловского, он «составляет, как умеет жизнь Толстого», опираясь на его романы, дневники, письма. Характерно, что биографические факты рассмотрены в разряде «прочего»; с его точки зрения, они «тоже нужны», но факультативно, так как они «кладут жизнь человека на карту его времени, говоря о том, что было у человека его личное, а что в нем общее, но им самим пережитое» [Шкловский, 1963, с. 250–251].

В основании толстовской биографии, с точки зрения Шкловского, лежит творческий акт. В литературе жизнь как бы очищается от текучего, неуловимого, сюжеты таят «богатый автобиографический материал» [Томэ, Шмид, Кауфманн, 2017, с. 90]. «Конечно, Нехлюдов,

не Толстой, но Толстой где-то рядом и Нехлюдов может оказаться Толстым» [Шкловский, 1963, с. 95].

Ян Левченко назвал подобное отношение формалистов к литературе «эгалитаризмом» [Левченко, 2012, с. 194]. Под последним следует понимать экспертное присвоение исследователем себе языка литературы как «родного», собственного. По сути, это означает субъективное присвоение себе писателя как «объекта». Но это возможно, например, тогда, когда исследователь «уроднен» своему герою «профессионально» и эмоционально, то есть когда писатель пишет о писателе, которого он любит и хорошо чувствует. В данном случае перед нами биография-роман, написанная одним писателем о другом.

То, что такой подход сознательно выбран Шкловским, ясно из его упрека Л. П. Гроссману, написавшему чуть раньше биографию А. С. Пушкина в ЖЗЛ [Гроссман, 1958]. Гроссман, с его точки зрения, не сумел быть «заодно» с гением, не «написал стихами» его биографию. «Писатель имеет право на свой стиль, но как-то хочется некоторого приближения стиля биографии к стилю того художника слова, жизнь которого раскрывается в биографии... “Поэт-пророк” — это большая реальность, чем камер-юнкер Пушкин» [Шкловский, 1959, с. 223].

Уже в предисловии к биографии Толстого Шкловский объясняет ее специфику. Последняя бирюковская вышла в 1923 году, значит между ними сорок лет. Число символическое¹⁸. Сорок лет прошло после событий 1917 года, а уже началась новая эпоха — оттепель, родившая надежду на новую жизнь. За сорок лет умерли почти все, кто лично знал или внятно помнил Л. Н. Толстого. Для новой биографии созрели все условия и возможности.

В биографии Толстого Шкловский «выяснял судьбу поколения» [Шкловский, 1959, с. 190] не только толстовского, но и своего собственного. Фигура писателя должна была спасти общество шестидесятников от начавшихся разочарований, доказать возможность жить в переходное/смутное время достойно, благодаря высокой миссии идеального, способности увидеть вещи отстраненным взглядом, так как это делал Толстой. Фактически Толстой Шкловского становится необходим советской интеллигенции так же сильно, как когда-то российской, для которой он всегда был и оставался «зеркалом». При этом Шкловский не входит в область критического анализа гражданской позиции Толстого. Об этом он пишет на удивление мало. Сорока лет после разоблачения культа личности еще не прошло; страх перед системой никуда не делся. Поэтому писатель спокойно остается на своей «романно-мифологической почве» обоснований, не уставая утверждать, что только художественное творчество — истинный ключ

к биографии великого человека. Оно же — спасительный круг для нового поколения советской интеллигенции.

Копаться в интимной жизни героя кажется ему почти неприличным и потрафляющим дурным вкусам толпы. В этом смысле, очевидно, что Шкловский пишет роман, не стремясь к дешевой популярности. Он дважды (первый раз в очерке о ЖЗЛ) напоминает читателям знаменитые строки А.С. Пушкина о ликовании толпы при падении праведника, о ее радостном унижении высокого, обнажении слабости могущего. Поэтому его задача — оградить Толстого от сплетен и анекдотов времени, сделать гением чистой «мысли художественной».

Фактически же он пишет занимательную приключенческую историю из жизни аристократа Толстого, имевшего несчастье прожить жизнь с гораздо менее аристократичной супругой — Софьей Андреевной, которая стала в данной оптике — альтер эго Толстого и эпицентром всех возможных грехов. Она оказалась виновной во всем, даже... в *пере-обивке* семейного дивана, того самого, на котором родился и как на плоту «хотел плыть через жизнь Лев Николаевич Толстой» [Шкловский, 1959, с. 8]. В этом «хотел» таится вся сущность вымысла. В итоге жена стала для Шкловского олицетворением и символом толпы, от которого ему так хотелось оградить своего героя.

Автор-Шкловский искренне переживает за героя-Толстого, проливает слезы над его болезнями и тяжело переносит его смерть, сливаясь с ним не только в творчестве, но и в быту, мелочах повседневности. Из творчества Толстого он понемногу убирает автора-Толстого и подменяет его автором-Шкловским. Он пишет биографию-драму, а не повествование. Как заметил биограф, если биография не драматична, то она «не может быть реалистичной» [там же, с. 226].

Для него чрезвычайно важно рассмотреть детали и мелочи биографии, которые «вскрывают жизнь в ином разрезе» и все большое объединяют через «ерунду» [там же, с. 222]. Шкловский в биографии Толстого ищет эти детали, дополняя их психологическими особенностями восприятия фактов прошлого в настоящем (в воспоминаниях): «Часто то, чего человек как бы не замечает, на самом деле определяет его сознание» [там же, с. 20].

Метод остранения помог автору открыть эти «определяющие сознание» точки в разговоре о Толстом. «Художник вымышляет образ, исследуя его через события. События могут быть и не выдуманы» [там же, с. 222]. Эти слова Шкловский написал о «Хаджи-Мурате», но применил к биографии Толстого, *вымышляя*, создавая своего Толстого, через факты его жизни.

Перефразируя самого Шкловского, можно сказать, что он представил судьбу Толстого, не только зная все обстоятельства его жизни,

но и найдя возможность их художественного перевоплощения. «Вымышлять в биографии — значит выделять главное, существенное и открывать причины событий, связывать явления» [Шкловский, 1959, с. 222]. В таком случае следует говорить о «Толстом» Шкловского, который может отличаться от Толстого любого читателя или другого писателя этим самым особенным вымыслом. Таким образом, биография строится на специальном приеме, делающем повествовательный нарратив остраненным, отличным от описываемой действительности, вымышленным, по замыслу автора.

В данном подходе явно прослеживается позиция формалистов, и Шкловский не заново открывает своего Толстого, но через него продолжает борьбу за свой метод, вводя социологическое (историческое) в творческое (биографическое). Мы словно возвращаемся к дискуссиям 20-х годов о природе социологического и формального в литературе. Социология формалистов была принципиально немарксистской, и это создавало повод для критики еще в период относительной свободы мнений [Переверзев, 1929, с. 1–29].

Для формалистов принципиальна идея взаимодействия (сцепления, говоря языком Толстого) различных факторов, в том числе литературных и бытовых. Человек живет в истории, но его творчество не является ее калькой. Биография, с точки зрения формалистов, — исторична, творчество — эволюционно. Поэтому «необходимо принципиальное разграничение самих этих понятий — эволюции и истории» [Эйхенбаум, 1927, с. 10], которые не позволяют проводить вульгарно-параллельное сосуществование биографии и творчества.

Формалисты высмеивали марксистов за их желание вывести всю литературу из экономического базиса. Марксисты отбивались, как могли: «Конечно, если представить себе базис как “внележащий материал”, из которого кем-то делается “эстетическая система”, — никакой перевод эстетической системы с языка искусства на язык социологии, никакое вычитывание базиса из эстетической системы является невозможным. ... Но представить себе отношение эстетической системы к базису как отношение вещи к материалу — значит ровно ничего не понимать в марксизме» [Переверзев, 1929, с. 15–16].

Марксизм в свою очередь также немного понял в формализме, в его требовании преломить факты (реальность) с художественной точки зрения. Реальность же художественного формалисты понимали не как отражение или вульгарную схему соотношения базис — надстройка, но как способ вскрытия через литературное творчество противоречий и многообразия самой действительности. Метод остранения позволил превратить текст в самостоятельную, прямо не связанную с фактами, реальность. Марксисты предпочли обозвать

такой формальный метод «метафизической»¹⁹ основой Шкловского» [Переверзев, 1929, с. 26], противопоставляя его все объясняющей ленинской диалектике. Главной интенцией марксистов был вопрос *почему*, формалистов — *как*²⁰.

Приведем один пример использования формального метода Шкловским. Глава «Храм Христа Спасителя» посвящена закладке храма Христа Спасителя в Москве в 1839 году. В дневниках Толстого, на которые Шкловский ссылается в книге, это событие дано одной строчкой декларации, наряду с описанием кормления лошадей «мужицким овсом», упоминанием о голодном годе и т.д. Почему же именно эта запись оказывается ключевой для понимания будущего мировоззрения писателя? Для ответа Шкловский создает целый рассказ о храме Христа Спасителя архитектора Тона, который сначала был символом победы русского оружия над Наполеоном, а потом... был взорван: «...стены упали, как будто раскрылся белый цветок, а золотой купол провалился внутрь. Красная стена и кремлевские соборы оказались шире. Теперь здесь бассейн для купания» [Шкловский, 1959, с. 67].

Все остальное можно додумать и самим, но Шкловский и здесь помогает домыслить вымышленное. По закону художественного сочинения, Толстой и храм должны слиться воедино в сознании читателя. Ничего удивительного, что о символе победы и героизме русских воинов нам говорит после Толстого не религия и храм Христа Спасителя, а роман «Война и мир» — символ и России, и веры, и отечества.

Говоря языком своего времени, Шкловский встал на путь мифотворчества, превращая своего героя в некую символическую фигуру глобального смысла. Толстой, как библейский Самсон, сотрясал и разрушал здание традиционного Храма²¹. Толстой-Самсон, подобно своему греческому прототипу, призван удержать Россию в той чистоте идеалов, которые давно оказались на дне искусственного водоема. Толстой призван воскресить воспоминания о золотых куполах при взгляде на гладкие воды бассейна «Москва». Шкловский сравнивает «Войну и мир» с Илиадой, цитируя уничижительное автопризнание Толстого, утверждавшего, что «мужиков, которых Гомер должен был бы написать, а я не умею» [там же, с. 486].

Вот что пишет Шкловский о главном целеполагании — истинных мотивах толстовской веры: «Его идеал был в прошлом, но стоя на почве прошлого, он разрушал временное, то, что хоть существовало, но должно было быть разрушено» [там же, с. 555]. Шкловский, по сути, продолжил традицию понимания высокого мифа в духе отечественных исследований 60-х годов XX века. Например, М.А. Лифшиц²² греческие мифы рассматривал как способ спасения общества

от нравственного распада, как идеальный мостик в периоды грубого (экономического) перехода от одного строя — коллективистского родового общества к другому — становлению индивидуального классового развития. Лифшиц писал, что миф востребован, чтобы «смягчить удар» смены идеологий. Эту черту можно считать не только функциональной, но универсальной — гуманистической характеристикой мифологии всех времен.

С этой позиции и предстал для нас Толстой Шкловского, который и функционально, и универсально один олицетворил собой всю мощь греческой мифологии с его символизмом и нравственными охранительными уроками. Толстой, по словам Шкловского, «выразил гений своего народа», а почему именно он — «трудно постижимо» [Шкловский, 1959, с. 87]. В данном случае Толстой — символ искусства как такового, вне времени и пространства, вне субъективной биографии. По принципу «генерализации мелочей» его фигура демонстрирует всеобщую сущность искусства, выраженную в единичном гении. Здесь вновь «работает» формальный метод: Толстой, конечно, реалист и критик, но искусство, выраженное через его творчество — вечно, «оно идет и не проходит, потому что в сцеплении понятий постигает сущность явлений» [там же, с. 667].

В духе известной метафоры Л.И. Шестова²³ Шкловский показывает синкретическое соединение в образе Толстого идеи созидания и разрушения мифа о себе. Эту идею он воплотил в сентенции: в целом все схвачено верно, а опровергнуто неверно. Все основополагающее — *неучастие, непротивление, молчание, любовь к другим и Богу* и т.д. — основаны на величайших принципах христианства, а опровергнуты с позиций *гражданина, борца и оппозиционера*. Шкловский никак не решает эту дилемму. Однако сама ее формулировка упирается в идею двусторонности символа.

Мифосимволическими становятся толстовский быт, друзья и враги, факты и воспоминания. Например, сюжет о воспоминании Толстым события его младенческого «пеленания». Это воспоминание Шкловский трактует как идею борьбы за свободу против «пелен собственности, наследств, условностей света» и т.д. Его Толстой всю жизнь хотел освободиться от плена пеленок, а все, кто его любил, «спеленывали» его по ногам и рукам; его хотели превратить в мумию (образ спеленатого младенца) — и это стало символом восприятия Толстого в советское время оттепели. Сегодня, как известно, медицина вообще отказалась от пеленок, и младенец изначально свободен в движениях. Можно с иронией заметить, что многих из нас уже *нечем* привязать к этому миру, отсюда и легкость бытия, и иллюзия свободы. «Теперешний груд-

ной младенец с поднятыми верх ножками — это уже другая судьба младенца» [Шкловский, 1959, с. 18].

Попутно Шкловский решал и иную задачу, показав разьедающие высокий миф механизмы работы общественного мнения. Важнейшим, как нам показалось, для него стал механизм пошлости — противоположный высокому творческому мифу и идущий от обывательского здравомыслия. Его олицетворением в книге предстала Софья Андреевна Толстая. Толстой боролся со здравым смыслом своего времени, а, следовательно, и с ней. «Софья Андреевна была средним человеком, обладающим здравым смыслом, то есть суммой предрассудков своего времени... В одном доме жили люди с разными самосознаниями... она виновата была перед мужем в том, что обращала его мысли в деньги» [там же, с. 653–654].

Шкловский, с одной стороны, назвал ее «послом от действительности», с другой стороны, показал как представительницу среднего сословия, который чужд Толстому, знавшему лишь «помещика и мужика» [там же, с. 548].

Под здравомыслием жены писателя Шкловский имел в виду сумму предрассудков своего времени, которые, с его точки зрения, присущи были, прежде всего, среднему классу: чиновникам, разночинцам, городским люмпенам. Несмотря на дворянские корни, она «жила как все» [там же, с. 653], «приперев вовнутрь» своим благоразумием дверь толстовского дома. Жена гения оказалась символом мещанского сознания и до конца жизни не сумела, по его мнению, освободиться от своего «близорукого благоразумия» [там же, с. 846].

Самое печальное, что именно она, по мнению Шкловского, плела все самые грубые интриги и распускала самые нелепые слухи, при этом называя своего мужа лицемером. Перманентная женская истерика стала устойчивым фоном семьи Толстых в последнее десятилетие жизни писателя. Все ее обвинения Шкловский по закону инверсии оборачивает против нее же: «Софья Андреевна невольна и безумно лжет» [там же, с. 706]. Действительно, ее слова о том, что дети и внуки не видят белого хлеба из-за того, что Толстой «кормит им духоборов» выдает сходство ее оценок с многочисленными анекдотами того, да и нашего времени, о чудаковатом эксцентричном барине.

Логика обвинений Шкловского вполне понятна и даже обоснованна, но он как будто забыл о тех противоречиях, которые сам же обнаружил у Толстого, как у всякой «замечательной личности». Достаточно предвзято и формально, с нашей точки зрения, рассматривать целое — семью — как механическое соединение несоединимого — гения и мещанки. Мещанство — больше атрибут XX века, а Толстой — классический традиционалист: он видел в Софье Андреевне идеал

жены и матери; ее роль — беречь дом, быть гарантом стабильности и преумножать его доходность, то есть быть «мещанкой». Думается, что дело не в том, что Софья Андреевна — *мещанка*, а в том, что Лев Николаевич *пережил* свой идеал женщины-матери и хозяйки, как и свою роль мужа и отца, встав на путь преодоления земного эгоистического Я, в поиске интеграции своего духовного Я с Богом и миром. Ни он, ни она так и не сумели преодолеть эту силу тяготения до конца, и в этом подлинная трагедия семьи Толстых.

Резюмируя сказанное, хочется обратить внимание на использование Шкловским устойчивого архетипа дороги, движения, бегства, ухода как главных толстовских доминант, наполненных мифопоэтическими обобщениями. «Главная тема — уход от мира, безумие которого обнаружено, в крестьянство или хотя бы в городскую бедноту» [Шкловский, 1959, с. 546]. Дорога становится единственным пространством для аккумуляции личного времени жизни — времени для себя. То, что мы привычно называем «бегством» Толстого, — согласно Шкловскому было его возвращением домой, «в тот мир, который он считал единственно законно существующим» [там же, с. 546].

Биография времен перестройки: Алексей Матвеевич Зверев (1939–2003), Владимир Артемович Туниманов (1937–2006)

Прошло еще сорок лет.

В предисловии к биографии Толстого, написанной А. М. Зверевым и В. А. Тунимановым, Валентин Курбатов упомянул о новом времени, потребовавшем новую биографию русского гения. Специфика этой биографии — в личностном прочтении.

«Новое», что мы в ней наблюдаем — *развитие философского и духовно-религиозного компонентов* («одержимость вечным») в первой части, и освещение *гражданско-политического вектора* его жизни во второй. Книга написана в начале 2000-х и, оказалось, что ее судьба была так же трагична, как и само время. Оба автора не дожили до ее выхода в свет. Ее герой — Л. Н. Толстой — как и в предыдущей биографии Шкловского, стал героем переходной эпохи. По законам перехода, за научным и объективным анализом, в его биографии прослеживаются и субъективистские характеристики: это и преувеличенная религиозность, и преуменьшенная оппозиционность. В любом случае, он так же как и в предыдущей биографии, становится античным «Самсоном», стремившимся спасти ценностный мир от девальвации.

Книга написана в период распада истории уже советской империи, когда у миллионов людей появилась надежда (вера) увидеть обновленную Россию, свободную и духовно возрожденную. Но перед ними возникла иная — страшная картина зарождающегося капиталистического общества. Толстой, подзабытый и неостребованный, «вновь стал необходим русскому читателю» [Гродецкая, 2008, с. 271], так же, как и поиск ответа на его сакраментальный вопрос: «Так что же нам делать?»

Время было таким: «Когда-то было просто и удобно. Самодержавие. ... Но вот уж и XXI век наступил, а не только не избавились от прежних болячек, а и многими новыми обзавелись. Толпы бомжей бродят по улицам и переулкам наших городов — испытые темные, с какой-то особенной грязной лица... Пьяные, наглотававшиеся невообразимой сивухи... ночные (да и дневные) бабочки порхают повсюду... Гимназисты <...> матерящиеся. Подоконники, усеянные шприцами... Армия полумертвых детей <...> Полумертвые, серые лица стариков, уставших, смертельно уставших от бесконечных выживания-проживания — их больше всего жаль. Как сказал бы Толстой, громада зла» [Зверев, Туниманов, 2006, с. 399–400].

Перед нами *научно-художественная биография*, которая воссоздается через автобиографического героя и формирование единого нарратива при слитности художественных и интимных дискурсов. «Толстой как будто постоянно смотрит на себя: самоанализ писателя в письмах и дневниках проверяется и дополняется самоанализом его героя» [Гродецкая, 2008, с. 274]. В отличие от биографии Шкловского, который через увеличительное стекло вещей (вещества) мира стремился увидеть душу писателя, здесь перед нами многочисленные примеры реконструкции душевных переживаний Толстого через аналитику художественных образов его героев. Авторы умело использовали прием слияния жизненного и творческого, обнаружив зародыши философских и религиозных идей в художественных образах, интимных жанрах писем, дневников, записных книжек.

Книга написана высокопрофессиональным языком двумя филологами-литературоведами. В ней очень удачно отражена попытка схватить и отразить единство внутреннего и внешнего в описании образа Толстого. Это, пожалуй, первая биография, в которой Толстой представлен в эволюции его творческого мышления, развивающегося от художественного к философскому мировоззрению и от философского к религиозному и духовно-практическому. Опыт прочтения биографии сквозь призму философии и поиска «вечно-го» впечатляет своей логикой и внутренней правдой. Формируясь в полемике с сотнями философов прошлого и настоящего, Толстой

сумел уловить предмет философии как поиск смысла жизни. В этом аспекте, как верно заметили авторы, он оказался вне историософского пространства XIX века, формируя в ходе скрытой или явной полемики с современниками идею «жизни как пути», включая опыт/путь собственной жизни. «Вечное» — напряженный поиск духовно-религиозного понимания смысла жизни — доминантен, с точки зрения авторов, для Толстого на протяжении все его жизни. Эта — главная «нить Ариадны» книги в бесконечном лабиринте толстовских сцелений художественного, философского, личного.

Пристальное чтение биографий Толстого в ЖЗЛ показывает, что каждый автор выбирает для демонстрации своей доминантной идеи «свой репрезентативный» текст. Если для Евгения Соловьева — это была «Исповедь», для Виктора Шкловского — письма к тетушке Ергольской, то здесь таким корпусом идентичности оказалась переписка Толстого с «бабушкой» Александрой Андреевной Толстой — фрейлиной царского двора, настойчивой последовательницей православия, родственницей и близким другом писателя. Поиск «вечного», главная тема жизни Толстого — «основание новой религии, религии Христа», которая «овладеет его сознанием уже до самого конца жизни» [Зверев, Туниманов, 2006, с. 109] — оттачивается в бесконечной полемике, прежде всего с ней — возможно, главным авторитетом в области православия для него. В каком-то смысле обращение именно к их переписке становится основой рефлексивного понимания природы и сути толстовской религиозности, ее схожести и несхожести с церковной. Александрин Толстая зачастую выступает здесь как «голос совести» Л. Н. Толстого, в полемике с которой он формирует и доказывает суть своей веры.

Есть у этой книги еще одна изюминка. Она заключается в относительной автономии двух частей. Первая часть, написанная Зверевым, воссоздает духовный образ героя в эволюции его жизненной и творческой биографии, вторая погружает нас скорее в политический и полемический контекст биографии.

При этом не все идеально в книге, не со всеми выводами можно согласиться. Зачастую одни и те же персонажи и поступки описаны в двух частях в разной тональности. Например, образ Софьи Андреевны — весьма корректно и сдержано описанный в первой части, во второй становится более негативным и оппозиционным в отношении к Толстому.

Другой пример: рассуждения о роли и значении Н. Н. Страхова в развитии религиозной и философской позиции Толстого. В первой части его трактуют как религиозного традиционного мыслителя, утверждая при этом, что «его позиция в целом была Толстому близка»

[Зверев, Туниманов, 2006, с. 271]. Но Толстой никогда не был традиционным религиозным мыслителем, как, впрочем, и сам Страхов. Почвой их сближения была философия, литература, даже наука, и в последнюю очередь — вера.

Во второй части книги из друга и собеседника Страхов превратился чуть ли не в злого гения, самовольно «не допустившего» встречи Толстого с Достоевским. «Страхов, пожалуй, стал первым толстовцем (до “толстовства”), первым преданным и благодарным учеником... Но самый цельный и последовательный человек чувствовал себя очень неуверенно и смущенно, и кажется был бы доволен если бы эти прекрасные люди поколебали его убеждения. Во всяком случае, с мнениями и жестокими обобщениями Страхова он не спешит соглашаться» [там же, с. 335]. Здесь многое выдает профессиональную нишу писавшего: Туниманов — известный в мире специалист-достоевист. Поэтому критерий достоверности смещается ближе к Достоевскому, которого больно задевают религиозные искания Толстого и который невольно становится незримым арбитром в толстовских поисках истины в книге.

Пересказ контекстуальных взаимоотношений Страхова — Толстого — Достоевского кажется традиционно-тенденциозным. Страхов «заклеймен» в среде достоевистов как «клеветник и пакостник»²⁴. «Поэтому» зачастую взвешенные оценки этого «треугольника» сочетаются с эмоциональной неприязнью к русскому философу, несмотря на явное благосклонное и «сочувственное» отношение к нему самого Толстого.

Несмотря на указанные нюансы, биография внутренне соединена двумя ипостасями Толстого. В этом, может быть ее уникальность и удача. Нам дано два ракурса, два образа Толстого-художника и мыслителя и Толстого-гражданина и оппозиционера, объединенные единым внутренним стержнем — идеей изначальной целостности Толстого. Речь о его творчестве, являющимся и процессом и результатом данного уникального мыслительного акта. Книга это прекрасно иллюстрирует.

Как заметила А. Г. Гродецкая, эта книга не для массового читателя, а для элитарного [Гродецкая, 2008, с. 273]. Но в таком случае был велик риск «потерять» читательскую аудиторию, переводя формат популярной биографии в чисто научную и избранную. Возможно, книга бы и затерялась, став достоянием узкого круга специалистов. Ситуацию спасло само время: Толстой вновь показал, как можно мыслить, чувствовать и жить в немислимом, бесчувственном и несвободном пространстве распавшегося мира ценностей и культуры. Он вновь стал зеркалом интеллигенции в кризисный период ее жизни.

Биография открыла новые грани в потребности слышать голос свободного человека.

Убедительность Толстого — в его искренности. Эта мысль, доминантная для всех предыдущих биографий, сохраняет свою важность и здесь. Именно она делает Толстого злободневным и актуальным для каждого думающего и равнодушного человека. Например, размышления о героизме воина-Толстого в сочетании с представлением о его пацифизме и антимилитаризме приобрели совсем иной смысл разговора на фоне постоянно возобновляемых военных действий в Чечне в «лихие 90-е». Авторам просто необходим был его голос для осуждения этой братоубийственной бойни и одновременно необходимо его слово поддержки солдатам, выполнявшим свой долг, защищавшим свой дом и страну.

XX век стал главным стержнем биографии: он высветил трагизм экзистенциальных разломов, конфликтов и проблем Толстого, будь то конфликты с женой, детьми, властью, обывателями или целым миром. Главным, все определяющим, стал конфликт героя с самим собой, поиск своего пути, который всегда есть движение или уход и одновременно *выход* из кризиса и экзистенциальных страхов одного человека в свет истины и любви всеобщего мира. Поэтому можно возразить трагическому выводу авторов книги, утверждавших, что «уйти можно только в смерть» [Зверев, Туниманов, 2006, с. 658], словами самого Толстого, что смерти нет, а есть свет, идущий от идей, переживаний и таланта гения. И этот свет явно улавливается в данной биографии, пробиваясь сквозь «тьму» безысходности трагического времени.

Биография, написанная Павлом Валерьевичем Басинским

Самая свежая биография в ЖЗЛ вышла в малой серии в 2017 году под названием «Лев Толстой: Свободный человек». П. В. Басинский нашел, казалось бы, неординарный способ еще раз напомнить о Толстом. Он решил описать его жизнь как роман, сделав самого Толстого произведением, которое тот, как выясняется, «создавал сознательно» [Басинский, 2017, с. 5]. Делал он это, по мысли биографа, прежде всего, в дневниковых откровениях, а также в письмах и записных книжках, в которых, с первой до последней записи, его жизнь была представлена как сочинение — роман под названием «Лев Толстой» [там же, с. 6].

Такой замысел весьма любопытен и во многом схож с интенциями Шкловского. Однако, будучи не только писателем, но и ученым, Шкловский в своем творении не забыл ни про жанровую специфику,

ни про великое художественное наследие гения, ни про «упрямые факты» его биографии, которые обладают статусом неизменных законов, которые нельзя сочинить или проигнорировать в таком жанре как биография. Правда, их можно переписать по-своему.

Написана книга бойко и небесталанно. В ней множество фактов и дат, событий и героев, вроде бы всем известных и в то же время сочиненных самим биографом. Нет лишь Толстого — автора «Войны и мира» и «Исповеди», христианина без церкви, страстного оппозиционера, трагического мыслителя, счастливого и несчастного, живого и противоречивого, и самое главное — искреннего человека, находящегося в постоянном поиске самого себя. Место искренности занял вымысел, сочинительство, место биографии занял роман под названием «Лев Толстой».

Подход Басинского вполне своевременен: сочинять свою жизнь/биографию — удел большинства «звезд»; их вымышленными биографиями и симулякрами, под названием «жизнь» наполнены все информационные пространства и пиар-проекты современной массовой культуры. Но насколько такой подход правомерен в отношении Толстого? «Звездой» какого порядка его сделал Басинский?

Как мне кажется, соответствий с подлинным Толстым в книге немного. Использование исторических имен и фактов биографии еще ничего не говорит о научности и объективности изложения, его документальной правдивости. Зато занимательности и вымысла — хоть отбавляй. «Вымысел — один из основных моментов литературно-художественного творчества, состоящий в том, что писатель, исходя из реальной действительности, создает новые, художественные факты... Писатель, используя реальные частные факты, обычно соединяет их в новое “вымышленное” целое» [Краткая литературная энциклопедия, 1967, стб. 1069].

Вымысел, как было замечено ранее, давно стал признанным элементом научно-художественной биографии. Он, безусловно, присутствует в разных видах искусства, и именно его рациональное использование в данной биографии указывает на художественную природу этого текста, отличного от научного или религиозного. Таким образом, в XXI веке биография Толстого написана в популярном жанре *фикшн* (fiction writing).

Метод, который был избран, отвечает одному из принципов ЖЗЛ: максимальной беллетризации всех фактов биографии, *развлекательности, тенденциозности и занимательности, простоте суждений и категоричности выводов*. Все это, безусловно, поднимает продажи серии ЖЗЛ. Есть ли здесь достоверность, научность, объективность — так необходимые для жанра биографии — предстоит еще разобраться.

В изложении истории жизни Толстого у Басинского отсутствует научно-доказательная база. Биограф руководствуется авторским предположением о том, что Толстой с юности *сочинял свою жизнь*, создавал роман со счастливой завязкой и трагической развязкой (которая, как оказывается, тоже была заранее продумана).

В таком подходе есть одно важное обстоятельство: *писатель-Басинский* становится носителем истинного знания о фактах жизни и мыслей своего *героя-Толстого*. В романе это вполне правомерный прием. С этой точки зрения книга читается весьма легко и действительно занимательна (как, впрочем, все, что пишет П. Басинский). Возможно, заблуждение о том, что перед нами биография, а не роман, возникло благодаря ее изданию в серии ЖЗЛ. Ведь до сих пор издательство не отказалось от своего базового принципа *научности*, которой в данной биографии попросту нет.

Герой Басинского — Лев Толстой — вполне современный типаж. Он не имеет ничего заветного, самобытного, своего. Он, подобно полному сосуду, формируется чужими влияниями, и *подражание* — его главная черта. При этом, как оказывается, «подражая, всегда делаешь хуже» [Басинский, 2017, с. 37].

Кому же Толстой подражал и что делал «хуже» других? Подражал всем, подпитываясь чужими идеями (влиянием): матери, которая оказала «мистическое влияние» [там же, с. 17]; отцу, который подарил «неверие в смерть» [там же, с. 27]; душевные основания религии были «заложены в нем Татьяной Александровной Ергольской» [там же, с. 33]; Сергею подражал в стремлении быть *comme il faut*; Николаю — в писательстве, Мите в идее опрощения [там же, с. 39–40]. Даже с Тургеневым он рассорился, так как «просто боялся в очередной раз попасть под влияние более успешного и удачливого человека» [там же, с. 89].

Что же в нем от себя? Ничего, кроме того, что «Он — Лев Толстой» [там же, с. 41].

Его портрет таков: Толстой — пустяшный малый, сам себе шпион, кавказский пленник, подпоручик севастопольский, Подколесин, дьявол. Мы перечислили лишь некоторые названия глав этой биографии. К тому же он, оказывается еще и «филологический» хулиган, позволивший себе собственный перевод Евангелия. И много еще КТО.

Самое удивительное, что одной из своих задач Басинский назвал разоблачение мифов вокруг Толстого. При этом вся книга наполнена мифотворчеством под эгидой борьбы с мифотворчеством. Он весьма оригинально «очищает» Толстого от мифологии, погружая своего героя в иную — старо-новую мифологию. В качестве приема в изложении материала он использовал своеобразную триаду: а) «миф

о Толстом», б) его «разоблачение», в) рассказ, как это было «на самом деле» (весьма частотное выражение в книге).

Примеров очень много: ограничимся двумя. Первое, рассуждение о религиозности Толстого. Сначала приводится известное рассуждение о Толстом как основателе новой религии, о которой он мечтал с юности. Затем оно опровергается другим домыслом о том, что знаменитая дневниковая запись 1855 года «разговора о божественном», «на самом деле» была сделана после исповеди: «при этом не замечают, что, перед тем как делать эту запись, Толстой, *по-видимому* (курсив мой. — С. К.), причастился у армейского священника (отсюда разговор о божественном и вере). Так считает исследователь религиозных взглядов Толстого священник Георгий Ореханов» [там же, с. 76]. Рассуждение венчает вывод о том, что «важно другое обстоятельство — когда сделана эта запись. Во время войны» [там же, с. 76].

Другой пример — разоблачение мифа об Арзамасском ужасе, в котором «пытаются найти разгадку духовного переворота Толстого, который случится десять лет спустя, и даже объяснение его уходу из Ясной Поляны в 1910 году. На самом деле — это тоже мифология. В реальности *же было вот что* (курсив мой. — С. К.) [там же, с. 125]. А именно: психическое расстройство Толстого, случившееся в результате работы над «Войной и миром». Устав, решил развлечься покупкой земли, поехал, чего-то испугался, а потом через 15 лет использовал свой страх для создания «Записок сумасшедшего». Так одним махом зачеркнуты: духовная работа, метафизика страха и предчувствие трансцендентного у Толстого. Он всего лишь был *психически* расстроен, отсюда вымысел, легший в основу сочинения о страхе смерти.

В итоге перед нами Толстой — весьма неприятный человек, с детства *подражатель* всем взрослым и братьям, Франклину и Руссо, с юности развратный *эротоман* [там же, с. 97], весь сотканный из посторонних влияний, с ранним развратом души, в старости — чудак, тиран семьи и общества.

Герой Басинского предстает *вымышленным* от начала и до конца. Самое печальное, что этот вымысел как нельзя лучше потрафляет обывательскому мнению, возбуждая интерес к жареным фактам, «одиозности и странностям» писателя. Басинский выделяет из биографии Толстого, его дневников только самое интимное, запретное, двусмысленное и дает всему свои «всадом-деляшные» оценки, во многом совпадающие с общественным мнением и ханжеской этикой толпы.

Представления Б. М. Эйхенбаума, В. Б. Шкловского, Л. Д. Опульской и других толстоведов, например, о дневниках как о «лаборато-

риях, в которых вырабатывался метод и приемы его будущих литературных произведений» [Паперно, 2018, с. 44] обнуляются, могут быть просто проигнорированы в этой биографии, как проигнорировано в ней и *все* великое литературное наследие писателя.

Симптоматично, что Басинский, подобно Шкловскому, главным «эмпирическим источником» биографии считал письма Толстого к тетушке Ергольской, в которых он якобы дал проектирование своей жизни как романа. Получается, что и здесь Толстой — подражатель своей собственной вымышленной/сочиненной семьи, которую он хочет воссоздать в яснополянском раю и тем самым «исправить ошибку Бога» [Басинский, 2017, с. 91].

При этом Басинский и сам не прочь стать корректором жизненного проекта Толстого. Так, в главе «Роковая ошибка» он уверенно находит истоки семейной трагедии Толстого в том, что тот необдуманно показал свои холостяцкие *Дневники* невесте. «Он сразу давал ей понять, что она выходит замуж за мужчину с достаточно богатым сексуальным опытом. На самом деле этика 19 века такое положение вещей не только не осуждала, но даже приветствовала. Опытный в сексуальном отношении муж — лучше, чем ничего не знающий в этих вопросах юноша. И конечно Берсы (наверное, и сама Сонечка) догадывались, что у Толстого были связи с женщинами. Возможно, что они знали, что в Ясной Поляне живет внебрачный сын Толстого» [там же, с. 112]. Под этикой XIX века, скорее всего, имеется в виду все то же пресловутое общественное мнение (в том числе и XXI века), под углом зрения которого и написана вся биография.

Литературоведение знает и другой способ проникновения в тайны замысла автора — обращение к его творческой лаборатории, к художественным текстам, в которых выявляются и апробируются идеи и чувства писателя. Неплохо было бы вспомнить соответствующий эпизод из «Анны Карениной» с передачей Левиным дневников Кити, в котором гораздо яснее представлена не только палитра чувств и переживаний героев, но и самого автора.

О внутреннем мире Толстого, о его беспощадной саморазоблачительности, бесконечных переживаниях и рефлексии Басинский пишет в ироническом стиле, назвав его самосознание *шпионом, соглядатаем*. Данные метафоры вносят экспрессивно негативный оттенок в сложнейшую задачу дневников — передачи всех нюансов внутреннего мира переживания, сознания, амбивалентных эмоций и т. д. Тем более здесь нет и речи о «расслоении “я” на героя и повествователя, действующих в разное время» [Паперно, 2018, с. 27], нет и намека о диалектике души, внутренней целостности такой сложной творческой личности, как Толстой.

Пятьдесят лет Толстой следил за своим ростом, внутренним развитием, двигаясь от предчувствия к истинам и обратно. «Смотритель — это теоретик» (выражение В. В. Библихина)²⁵ превратился в шпиона, а теоретическое созерцание, которое было основой творчества и духовного роста, превратилось в данной биографии в водевильную насмешку над бесконечной работой ума и совести Толстого.

Отсутствие серьезной аналитики сказывается не только в негативно-иронической экспрессии автора книги. Удивительным кажется исследовательский вывод о том, что Толстой задумал создать новую религию Христа, которую до него уже... придумал Ренан. Не то странно, что Толстому приписывается абсолютно чуждая и неприемлемая идея («похожие мысли»), но удивителен либеральный вывод автора, что не прошла эта религия из-за русской особенности: «что позволено французу — нельзя русскому» [Басинский, 2017, с. 89]. А между тем известно высказывание И. М. Ивакина о Толстом, «что он очень не жаловал Ренана, да и кажется Штрауса за то, что они обращали свое внимание именно на фактическую сторону в Новом Завете» [Толстой, 24, 979]. Достаточно резко о Ренане высказывался Толстой и в письмах к Н. Н. Страхову.

В книге так много мифосюжетов, что, кажется, нет возможности завершить их многочисленные пересказы. Тем не менее следует указать еще на одну расхожую побасенку о «сумасшествии» Толстого, многократно пересказываемую в главе «Остановка жизни». Не последнюю роль в распространении слуха, как известно, сыграла Софья Андреевна. Она не только транслятор общественного мнения о своем муже, она — положительная героиня в этой жизненной драме. Басинский ее поведение описывает с явным сочувствием и пониманием. Как, возможно, сочувствуют ей многие его читательницы — женщины и матери — «самки» и хранительницы очага. Ее позиция хорошо понятна обывательскому сознанию, опирающемуся на здравомыслие, как на первооснову всякого мышления. Даже с этой точки зрения ее образ жертвенницы представлен весьма специфично. Она описана как почти «святая стяжательница». «Собственность для нее — это крест, который она должна взвалить на свои плечи ради детей» [Басинский, 2017, с. 172]. Его «крест» — в служении Богу, ее — в служении детям и дому; его цель — избавиться от собственности, ее — беречь, умножать и нести в будущее — как «крест». Так своеобразно-религиозно защищены права собственников автором данной биографии. Богатство — крест — и никто не смеет от него отказаться: «Ибо иго мое благо и бремя мое легко» (Мф. 11:30).

Хотелось бы завершить обзор этой последней биографии в ЖЗЛ словами Л. Н. Толстого из позднего дневника: «Я потерял память всего, почти всего происшедшего... Как не радоваться потере?»

Заключение

Представленный анализ, безусловно, не полный и отражающий лишь тенденции жанра биографии, тем не менее позволяет понять, *как и для чего* они издаются, *как работает* издательский механизм, *что такое* людская память и насколько она производна от профессиональной или исторической. Серия ЖЗЛ была и остается уникальным изданием, которое демонстрирует не только определенный уровень культуры общества, но и позволяет понять его интересы и потребности в конкретном историческом времени. Издательство как сейсмограф улавливает ход событий, сохраняя в своих публикациях ориентацию и на общество, и на общественное мнение, зачастую даже мимикрируя под него. При этом сохраняется тенденция воспитания масс, вплоть до манипуляции. Когда-то это было государственной задачей. Сегодня желание властвовать над умами умело сочетается со стремлением к рейтингам и высоким продажам. В этом аспекте Толстой и сегодня является «зеркалом» современной интеллигенции.

Четыре биографии Л. Н. Толстого оказались не только репрезентантами публичного — общественного времени, общественного вкуса, но и своеобразным обзором его особенностей на протяжении более чем столетия. Не стоит сравнивать, какая биография лучше или хуже, объективнее или субъективнее. Каждая по-своему уникальна и информационно насыщена. И дело не только в фактах, методах или путях анализа. Дело в авторской способности говорить о вечном сквозь призму времени, раскрывать всеобщее через частные факты и общественные запросы.

Иногда кажется, что авторы биографий, и общество любят Толстого как преданная жена и предадут как она — «горестно, завистливо и тщеславно» (Шкловский). Обессилить же Толстого нельзя никакими наветами, мнениями и оценками. Подобно Самсону, через века он будет возвращать человека в радостное дело самопознания и самооткровения, а его книги приносить подлинное наслаждение и радость приобщения к великой русской жизни и русской культуре. Четыре биографии ЖЗЛ, каждая по-своему, могут помочь в этом возвращении к себе и своей исторической памяти.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00100).

- ² Например, только об одном его 80-летнем юбилее в 1908 году было написано так много, что набралось на книгу из 300 страниц, в которую к тому же не вместились все материалы // См.: [Толстая, 2018].
- ³ Сама аббревиатура ЖЗЛ основана на заглавии «Viedes Hommes illustres», под которым в XIX веке издавался французский перевод «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха.
- ⁴ См.: [Непомнящая, 1969].
- ⁵ В павленковском издании вышло более 3 млн экз. книг (750 названий) // См.: [Рассудовская, 1960].
- ⁶ В статье Э. Ю. Соловьева в 1981 году использовался следующий оборот при характеристике ЖЗЛ: «почти пятидесятилетняя история ЖЗЛ», очевидно, имелся в виду исключительно ее горьковский период // См.: [Соловьев, 1981, 7, с. 115–126; 9, с. 132–143].
- ⁷ Напомню, что с 1906 по 1913 год Горький жил за границей.
- ⁸ См.: [Басинский, 2010; Басинский, 2013; Басинский, 2014].
- ⁹ Так называется одна из глав биографии. Здесь неявно пересечение с интенцией В. Пелевина, написавшего псевдетективную абсурдистскую повесть о графе «Т». При этом, если Пелевин саморазоблачителен, художественно-ироничен и явно высмеивает такое отношение общественного мнения к личности великого человека, то Басинский пишет всерьез и «научно» обосновывает свои выводы.
- ¹⁰ Псевдонимы писателя: Ан., Анд., Андреевич, Мирский, Скриба, В. Смирнов.
- ¹¹ Соловьев был автором ЖЗЛовских биографий таких личностей, как И. А. Гончаров, Осип Сенковский, А. И. Герцен, Гегель, Ф. М. Достоевский, Д. И. Писарев, Д. Мильтон, Н. М. Карамзин, О. Кромвель, Ротшильды, И. А. Тургенев, Генри Томас Бокль.
- ¹² Двухчасовая беседа в 1903 году в Ясной Поляне отражена в «Одесских новостях», 1903, 13, 17, 22 июля. Этого оказалось достаточно, чтобы внести интимно-оценочный оттенок в понимание личности Толстого. «Быть может, мне просто не дано овладеть мыслью Толстого во всем ее объеме, и я понимаю ее слишком математически, слишком просто, как уравнение какое-нибудь, но, забегая вперед, скажу: мне недостает от Толстого того же, чего ему самому недостает от себя, от его собственной жизни: недостает ощущения подвижности, трагизма...».
- ¹³ См.: [Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность, 1894]. Незначительные пометы неизв. почерком. Также есть

- книга: [Соловьев Е. А. 1905], в которой впервые на русском языке был напечатан ответ Толстого Синоду.
- ¹⁴ Зная обстоятельства создания «Исповеди» как сочинения, задуманного Толстым еще в середине 1870-х, мы можем усомниться в полном биографическом тождестве автора и героя. Скорее — это обнажение процесса работы мысли, становящейся, переходящей от литературной к духовной — этико-религиозной форме. Как верно заметила И. Паперно: «Исповедь — это не художественное произведение и не автобиография, а повествование о религиозном обращении (жанр, восходящий к “Исповеди” Августина)» // [Паперно, 2018, с. 8].
- ¹⁵ См.: [Михайловский, 1875].
- ¹⁶ Эту «триаду» Ленин как раз и «развил» или «позаимствовал» в своем учении о трех этапах освободительной борьбы: дворянском, разночинном, пролетарском.
- ¹⁷ С конца 1950-х начинается расцвет структурного языкознания, и формальная школа получает новый импульс в развитии.
- ¹⁸ Ровно столько лет Моисей водил свой народ по пустыне, чтобы предать забвению память о прошлом рабстве. То есть Библия, условно говоря, показала нам тот временной отрезок, прожив который народ забывает свою историю и становится восприимчивым к созданию новой, написанной с «чистого» листа.
- ¹⁹ «Борьба с наивным реализмом завершается торжеством метафизики. Социологический метод, в защиту которого выступает Шкловский, показывается культурно-историческим методом, отказавшимся от наивно-реалистической концепции истории в пользу еще худшей — метафизической. О метафизике формального метода рассуждал и В. В. Маяковский, предупреждая, что факты литературы нужно “соприкачать” с социальными, “вне этого формальный метод переходит в метафизику”. Как перешел в метафизику формальный метод Андрея Белого; вне этого литературная работа становится сплошным малярством. Только при установлении связи формального метода с социологическим может быть правильный подход к новому вопросу о революционном искусстве». Цит. по: Цимеринов Б. 1964. 6, с. 158.
- ²⁰ Любопытный материал в этом ключе представляет собой выступление Маяковского: см. ранее.
- ²¹ Речь о разрушении «храма» под названием «русская православная церковь», за что современники традиционно называли его сумасшедшим. В мае 1880 года Ф. М. Достоевский пишет жене: «О Льве Толстом и Катков подтвердил, что слышно, он

совсем помешался». Цит. по: Шкловский В.Б., 1959, с. 556. Античность и миф вторгались в разговор о кризисе христианства независимо от Толстого в период Серебряного века, но не без его влияния.

²² См.: [Лифшиц, т. 3, 1984].

²³ См.: [Шестов 1908].

²⁴ Весьма плодотворной и объективной в этой теме выглядит статья В.А. Туниманова [Туниманов 2006, с. 39–86].

²⁵ См.: [Бибихин 2012].

Список литературы

Андреевич В. Л.Н. Толстой: Монография. СПб.: Издательство А.Е. Беляева, 1905. 264 с.

Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая. Москва: АСТ; Астрель, 2010. 636 с.

Басинский П.В. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. Москва: АСТ, 2013. 572 с.

Басинский П.В. Лев в тени Льва: история любви и ненависти. Москва: АСТ, 2014. 509 с.

Басинский П.В. Лев Толстой: Свободный человек. М.: Молодая гвардия, 2017. 287 с.

Бибихин В.В. Дневники Льва Толстого. М.: изд. Ивана Лимбаха, 2012. 477 с.

Горький А.М. Собр. соч. в 30 т. Т. 29. М., 1955.

Гродецкая А.Г. Живая жизнь в контексте вечности // Русская литература. 2008. № 1.

Гроссман Л.П. Пушкин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1958. 528 с.

Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. 783 с.

Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1967.

Левченко Я.С. Русские формалисты в поисках биографии. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012.

Лифшиц М.А. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание. Соч. в 3 т. Т. 3. М: Изобразительное искусство, 1984.

Михайлова М.В. Соловьев-Андреевич. Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Том 5. П-С / Под редакцией П.А. Николаева. М.: Большая российская энциклопедия, 2007.

Михайловский Н.К. Десница и шуйца Льва Толстого, 1875. 91 с.

Михайловский Н.К. О г. Соловьеве как «моменталисте-трансформисте» и развязанном человеке вообще // Русское богатство. 1899. № 7/10.

Непомнящая Т.Ф. Книги о замечательных людях как тип издания (Серия ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия»): автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Фак. журналистики. Кафедра ред.-изд. дела и книговедения. Москва: [б.и.], 1969. 17 с.

Паперно И. «Кто, Что Я?». Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: НЛО, 2018. 232 с.

Переверзев В.Ф. «Социологический метод» формалистов, Литература и марксизм. Журнал теории и истории литературы. Кн.1, 1929.

Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. 335 с.

Рассудовская Н.М. Издатель Ф.Ф. Павленков (1839–1900): Очерк жизни и деятельности. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960. 108, [2] с.

Соловьев Е.А. Л.Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность. Биогр. очерк. ЖЗЛ. СПб., 1894. 160 с.

Соловьев Е.А. Опыт философии русской литературы. СПб., 1905. 418 с.

Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. 1981. 7; 9

Толстая Ф. Как жаль, что Толстой не арбуз. М.: АСТ, 2018. 320 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. М., 1928–1958 (ссылки даются в скобках с обозначением тома и страницы).

Томашевский Б.В. Литература и биография // Книга и Революция. 1923. № 4.

Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / пер. с нем. М. Маяцкого. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 333 с.

Тун-Хоенштайн Ф. В лаборатории советской биографии: серия «Жизнь Замечательных Людей», 1933–1941 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век. History and subjectivity in Russia: материалы международного коллоквиума: Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013.

Туниманов В.А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) // Русская литература. 2006. № 3.

Цимеринов Б. «Мы были марксисты, мы будем марксисты и хотим быть хорошими марксистами... (Об одном выступлении В. Маяковского) // Вопросы литературы. 1964. № 6.

Шестов Л.И. Разрушающий и созидаящий миры (По поводу 80-летнего юбилея Толстого). 1909. 48 с.

Шкловский В.Б. Гамбургский счет. Изд. Писателей Ленинграда, 1928. 490 с.

Шкловский В. Жизнь замечательных людей // Знамя. 1959. № 3.

Шкловский В.Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. 864 с.

Эйхенбаум Б.В. Вопросы литературной эволюции // На литературном посту. 1927. № 10.

А.А. Кара-Мурза
Пять дней в Дижоне
(о короткой поездке Льва Толстого
и Ивана Тургенева в Бургундию весной 1857 года)

Эта короткая история, занявшая всего пять дней, случилась 160 лет назад, весной 1857 года. 10 марта (по новому стилю, т.е. согласно принятому в Европе григорианскому календарю) живший тогда во Франции тридцатидевятилетний Иван Сергеевич Тургенев написал своему петербургскому приятелю, литератору П.В. Анненкову: «Вы, я полагаю, еще не настолько забыли географию, изученную Вами в нежном возрасте, любезный Анненков, чтобы забыть, что есть на свете и даже во Франции город Дижон, бывшая столица Бургундского герцогства...» [Тургенев, 1987, с. 100].

Предваряя естественный вопрос о причинах столь неожиданной поездки («почему я нахожусь в Дижоне — это, я воображаю, для Вас должно быть совершенно непонятно...»), Тургенев разъясняет: «А дело очень простое: пузырь мой так меня мучил в Париже, что мне посоветовали попробовать перемену воздуха; я вот и выехал в Дижон, а Дижон я выбрал собственно потому, что Виардо (Луи Виардо, муж Полины Виардо. — А. К.) дал мне рекомендательные письма к своим здешним знакомым. Я их еще не представил — но уже влияние воздуха ощутительно. Со дня приезда (т.е. со вчерашнего дня) пузырь

Аннотация. В статье исследуются толстовские представления о духовной жизни личности. Общедуховной жизни, существующей в конфессиональных, социальных рамках, противопоставляется жизнь лично-духовная, цель которой – приближение человека к божескому совершенству. Именно по пути лично-духовной жизни и шел Л. Толстой.

Ключевые слова: мировоззрение Л. Толстого; творчество позднего Толстого; духовное развитие; самосовершенствование; конфессиональная жизнь.

Igor B. Mardov

Tolstoy about life of personal and common souls

Abstract. The article investigates L. Tolstoy's ideas about the spiritual life of a person. The life of the Common soul, that exists in the confessional, social framework, is opposed with the life of the individual soul, the purpose of which is the approach of man to God's perfection. The life of the individual soul was the way, which Lev Tolstoy followed.

Keywords: L. Tolstoy's worldview, the late works of Tolstoy, spiritual development, self-improvement, religious life.

Прокопчук Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий экскурсионно-методической службой Государственного музея Л.Н. Толстого. Адрес: 119034, Москва, Пречистенка, 11/8. E-mail: prokopchuk17@mail.ru

Prokopchuk Yuri V. – PhD in History, Head of excursion and methodical service of the State Museum of L.N. Tolstoy. Address: 119034, Moscow, Prechistenka, 11/8. E-mail: prokopchuk17@mail.ru

Аннотация. Исследуется отрицание пространства, времени, материи, движения в дневниковых записях и произведениях позднего Толстого. Прослеживается связь этих аспектов толстовского мировоззрения с формированием основ его духовно-мистической философии, спиритуалистический уклон толстовских философских поисков.

Ключевые слова: философия Л. Толстого; духовное и материальное; отрицание реальности материи; спиритуализм.

Yuri V. Prokopchuk

The denial of the material world in the philosophy of L.N. Tolstoy

Abstract. The negation of space, time, matter, movement in diary entries and works of late Tolstoy is investigated. The author traces

the connection of these aspects of Tolstoy's worldview with the formation of the foundations of his spiritual-mystic philosophy, the spiritualistic tendency of Tolstoy's philosophical searches.

Keywords: the philosophy of Leo Tolstoy; the spiritual and the material; the denial of the reality of matter; and spiritualism.

Климова Светлана Мушаиловна, доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, Факультет гуманитарных наук, Школа философии. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 105066, Российская Федерация.

Klimova Svetlana M. – Dr. hab. in Philosophy, National Research University «Higher School of Economics». 20 Mjasnickaya Str., Moscow, Russian Federation. sklimova@hse.ru

Аннотация. Работа посвящена четырем биографиям Л.Н. Толстого в серии «Жизнь замечательных людей». На отдельном примере показано, как и для чего издаются биографии великих людей, как работает издательский механизм, что такое людская память. Каждая биография стала результатом авторской методологии, отражая ее специфику в «теле» текста. Так, Е.А. Соловьев опирался на биографический метод, В.Б. Шкловский – на формальный, А.М. Зверев и В.А. Туниманов – на художественно-аналитический. В биографии П.В. Басинского важнейшим стал метод художественного вымысла. Значимым контекстом разговора стала сама серия ЖЗЛ, которая транслирует культурные и идеологические фреймы, позволяет понять общественные интересы и потребности в конкретном историческом срезе. Показано, что издательское дело всегда направлено, помимо прочего, на формирование общественного мнения и развитие общественного вкуса.

Ключевые слова: серия «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ); Толстой; общественное мнение; мифология; биографические парадигмы.

Svetlana M. Klimova

Life of Leo Tolstoy in biographies: The series «The Life of Remarkable People»

Abstract. The author observes four biographies of L.N. Tolstoy in the series «Lives of Remarkable People» (ZhZL). The work is focused on the public period of his biography. That was the time of growing influence of public opinion and growing interest in the figure of the writer for more than a century. A particular example shows how and for what purpose biographies of great people are being published,

how the publishing mechanism works, what human memory is and how it is derived from the professional or the historical ones. ZhZL series is a unique publishing project that demonstrates not only a certain level of culture of society, but also allows you to understand social interests and needs in a certain historical milieu.

Keywords: Tolstoy; public opinion; mythology; biographical paradigms.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН. Адрес: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: a-kara-murza@yandex.ru

Kara-Murza Alexey A. — Dr. hab. in Philosophy, chief researcher fellow, head sectors of philosophy of Russian history, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science. Address: 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1. E-mail: a-kara-murza@yandex.ru

Аннотация. Предметом авторского исследования являются обстоятельства совместной поездки Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева из Парижа в провинциальный французский город Дижон в марте 1857 года «Дижонский эпизод» оказался плодотворным для обоих писателей. В столице Бургундии Толстой окончил, наконец, повесть «Пропащий» (в окончательной редакции — «Альберт»), которую обдумывал и переделывал в течение нескольких месяцев. Тургенев завершил в Дижоне очередной «охотничий» рассказ («День второй») из цикла «поездок в Полесье», где наметил контуры принципиально нового подхода к описанию кризисных явлений в русской деревенской жизни.

Методом исследования явилось «философско-литературное краеведение», когда интеллектуальные произведения изучаются как продукт культурно-географического и бытового контекста, в котором находятся авторы.

В статье представлены новые материалы о пребывании Тургенева и Толстого в Дижоне, о сложных взаимоотношениях двух корифеев русской литературы. По мнению автора, поездка в Дижон стала прямым прологом для «бегства» Толстого в апреле 1857 года из Парижа к берегам Женевского озера — в родные места Ж.-Ж. Руссо; и поездок Тургенева в Англию, Германию и Италию, определивших новый этап в его творчестве.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; Л.Н. Толстой; Франция; Дижон; русская литература; Ж.-Ж. Руссо; Дижонская академия; путешествие.

Alexey A. Kara-Murza

Five days in Dijon (about a short trip Of Leo Tolstoy and Ivan Turgenev to Burgundy in the spring of 1857)

Abstract. The subject of the author's research is the circumstances of their joint trip. L.N. Tolstoy and I.S. Turgenev traveled from Paris to Dijon, the provincial french city, in March 1857. «The episode in Dijon» was productive for both writers. In the capital of Burgundy Tolstoy finally finished the story, which title is «Lost» (in the final version — «Albert»), that was thought over and rearranged during several months. Turgenev completed in Dijon another «hunting» story («Day two») from the cycle «trips to Polesie», where he outlined the contours of a fundamentally new approach to description of crisis phenomena in Russian village life.

The method of research was «philosophical and literary local history», when intellectual works are studied as a product of cultural, geographical and domestic context in which the authors are.

The article presents new materials about the stay of Turgenev and Tolstoy in Dijon, about the complex relationship between the two luminaries of Russian literature. According to the author, the trip to Dijon became a direct prologue for Tolstoy's «escape» in April 1857 from Paris to the shores of lake Geneva — to the native places of J. Rousseau; and Turgenev's trips to England, Germany and Italy, which determined a new stage in his work.

Keywords: I.S. Turgenev; L.N. Tolstoy; France; Dijon; Russian literature; J.-J. Rousseau; Dijon Academy; travel.

Никольский Сергей Анатольевич, главный научный сотрудник — руководитель сектора философии культуры Института философии РАН, доктор философских наук. Адрес: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Nickolsky Sergey A. — Dr. hab. in Philosophy, chief researcher fellow, head of the sector of philosophy of culture, Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, building 1. E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Аннотация. Выполняется анализ мировоззренческих смыслов «жизнь» и «смерть» («живое» и «мертвое») на материале философско-художественных текстов Льва Толстого. Выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой в написанных в более раннее и более позднее время про-

Содержание

Предисловие	5
<i>Н.А. Касавина</i> Философия в пространстве музея	7
<i>Ю.В. Прокопчук</i> О философском семинаре в Государственном музее Л.Н. Толстого (2001–2003, 2013–2019)	11
«Философские собеседники»	
<i>М.Л. Гельфонд</i> Л.Н. Толстой и Сократ: диалог сквозь тысячелетия	17
<i>С.В. Панов</i> <i>С.Н. Ивашкин</i> Толстой и Просвещение: схема эксперимента и формат суждения.....	32
<i>В.Н. Порус</i> Нескончаемый спор о морали (Лев Толстой и Лев Шестов)	51
<i>Н.А. Касавина</i> Образы трагической случайности (Юм, Паскаль, Толстой, Шестов)	69
<i>К.Е. Троицкий</i> Пять этапов борьбы Макса Вебера против Льва Толстого	86
<i>Е.В. Бессчетнова</i> К.Н. Леонтьев: критика «розового христианства» Л.Н. Толстого	109
Метафизические размышления	
<i>Н.М. Фортунатов</i> <i>В.А. Фортунатова</i> Полиморфизм толстовского дара как категория авторской интерпретации мира.....	123
<i>Ю.В. Прокопчук</i> Философские поиски и начало становления толстовской метафизической концепции в конце 1860-х – 1870-х годах	147
<i>И.Б. Мардов</i> Л.Н. Толстой о лично-духовной и общедуховной жизни.....	179

<i>Ю. В. Прокопчук</i> Отрицание материального мира в философии Л.Н. Толстого	188
---	-----

Биография как контекст

<i>С.М. Климова</i> Жизнь Л.Н. Толстого в биографиях: серия «Жизнь замечательных людей»	225
<i>А.А. Кара-Мурза</i> Пять дней в Дижоне (о короткой поездке Льва Толстого и Ивана Тургенева в Бургундию весной 1857 года)	257

Произведения и интерпретации

<i>С.А. Никольский</i> Об изменении содержания мировоззренческих смыслов в художественном творчестве Льва Толстого	273
<i>В.К. Кантор</i> Растление русского человека, или император Николай как враг русской империи (рассказ Льва Толстого «За что?»)	307
<i>Е.Ю. Полтавец</i> Мифо-ритуальная основа русского историософского романа («Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Война и мир» Л.Н. Толстого).....	322
<i>Н.Д. Асташова</i> «Дух времени» в художественном пространстве Л.Н. Толстого (на примере романа «Война и мир»)	338
<i>Солев К.А.</i> Любовь «платоническая» в художественном творчестве Л. Толстого	347
Сведения об авторах.....	356
Указатель имен. Составитель <i>Е.В. Михайлов</i>	377